

ДИСКУССИИ

УДК 159.923.2

Чурюмов С. И.

БЛЕСК И НИЩЕТА СОЦИОНИЧЕСКОЙ МЕТАФИЗИКИ

(синтаксические и системные ошибки, ляпы, артефакты, заблуждения, интуитивные «залеты» и парадигматические искажения в соционике)

Подробно рассмотрен и проанализирован подход к соционике И. Н. Калинаускаса. Выявлены его методологические установки, ошибки и заблуждения в отношении классической соционики А. Аугустинавичюте. Рассмотрена концепция П. В. Симонова о связи нейрофизиологического субстрата с поведением человека и его темпераментом.

Ключевые слова: Я-концепция и структура личности, темперамент и информационный метаболизм, МКС (метод качественных структур) и модель психики, физиологическое и психологическое в гипотезе Симонова, методология и парадигма.

Соционика живет и развивается вот уже около сорока лет. Философы и историки науки могут в реальном масштабе времени наблюдать все драматические перипетии начального становления нового научного направления. Драматические потому, что с самого первого момента ее возникновения в конце 60-х годов она не была адаптирована научными институтами и оказалась в руках большого количества энтузиастов, которые, по большей части, пришли из других областей науки и почти не знали психологии или были самоучками в этой сфере. Они были влюблены в соционику, поскольку она смогла довольно простыми, как им казалось, средствами объяснить то, о чем так невнятно и отчужденно от реального человека пыталась говорить научная психология, опиравшаяся на клиническую терминологию и патологическое понимание ключевых процессов в человеческой психике. Соционика, эта «психология с человеческим лицом», не только доступно для современного интеллектуала обозначила базовые психические сущности, но и предложила символическую модель, позволившую исчислять (не побоюсь этого слова) принципиальные особенности личности, а вместе с тем и устанавливать обобщенные параметры отношений между конкретными людьми, что оставалось слабым местом психологии.

Однако поверхностная психологическая подготовка любителей соционики и весьма ограниченное понимание ими научной методологии не остались без последствий. «Простой», а вернее, упрощенный образ соционики создавал впечатление легкой доступности создания и оперирования с психологическими конструктами, а в результате, наряду с полноценным научным продуктом, стали появляться теоретические уродцы, часто оригинальные и даже эстетически привлекательные, но ложные по своей сути. Эти издержки научного творчества, или «научного творчества», поскольку оба случая имели место, вполне понятные в режиме поиска, во многих случаях стали превращаться в догматические цитадели своих создателей, которые, теперь уже в роли «гуру», стали агрессивно распространять свой замороженный продукт среди психологически наивной паствы, вынужденно усваивавшей вместе с простыми и понятными соционическими истинами пену и плевелы теоретических «наворотов» своих наставников.

Особенности методологических комплексов основных игроков в предметной области соционики и теоретическая вседозволенность привели к тому, что сейчас уже имеется 15 (!) парадигматических и полупарадигматических вариантов соционики. Некоторые из этих вариантов своими создателями утверждаются как научные соционические школы. Среди этих школ, наряду с грубыми или тонко замаскированными ошибками, имеются безусловные научные достижения, которые могут и должны составить ядро новой науки. Однако такая понятная человеческая неспособность ведущих социоников прийти к консенсусу и отсутствие реальной помощи со стороны ученых психологов делают процесс становления новой науки неуправляемым, и остается лишь надеяться, что время все расставит по своим местам.

Своеобразие методологических комплексов ученых-социоников часто делает их теоретические построения похожими на некоторые метафизические системы философии. И это не случайно, поскольку снова и снова воспроизводятся аналогичные фигуры мысли, давно уже откритикованные и разоблаченные в философии одними философами, но так до конца не понятые и не усвоенные другими. Это все, конечно, имеет свои психоаналитические основания в подсознании ученых как конкретных людей, включенных в те или иные реальные человеческие отношения, в том числе и классовые. Указанная метафизическая компонента, практически не распознаваемая ученым, может быть впоследствии обнаружена в продуктах его научного поиска в виде интуитивных «залетов», то есть идей, часто красивых, но не выдерживающих логической критики.

Надо сказать, что в философии можно встретить, по крайней мере, три отношения к метафизике. Прежде всего, как к историческому факту обозначения этим словом того, что Аристотель поместил после своих «физических» размышлений. Во-вторых, это продуктивные попытки хоть как-то систематизировать накопившееся знание. В этом тексте используется та сторона понятия метафизики, которая указывает на необоснованное, субъективное наложение априорных категорий на исследуемый объект, что хотя и позволяет строить рассуждения и теоретические схемы, но одновременно оказывается источником систематической ошибки, возникающей из-за рассогласования априорного аппарата и конструкторов, имманентных объекту.

В этой серии статей будут рассмотрены работы некоторых социоников, претендующих на ревизию базовых понятий классической соционики, основы которой были заложены Аушрой Аугустинавичюте, а также оценить с методологической точки зрения некоторые конструкторы, которые не выдерживают логического анализа и на проверку оказываются синтаксическими и системными ошибками, ляпами, артефактами, заблуждениями, интуитивными залетами или парадигматическими искажениями в соционике. Автор отнюдь не претендует на окончательную истину, но хотел бы получить логическую обратную связь от тех ученых, которые имеют собственную методологически обоснованную теоретическую позицию по анализируемой тематике.

**Находки и потери И. Калинаускаса,
или
Конструктивная соционика
(методологический обзор книги «Игры, в которые играем Мы»)**

Игорь Калинаускас — человек, талантливый во многих отношениях. Он прекрасно владеет психологическими знаниями и сделал значительный вклад в психологию. Он является одним из первых учеников Аушры Аугустинавичюте, и его понимание соционики, безусловно, представляет собой ценность, которую необходимо исследовать. Его книга «Игры, в которые играет Мы» написана талантливо, ярко и остроумно — в самом начале книги автор предупреждает, что в серьезный текст книги пробрался шутовской вирус, реализованный автором на «смайликах». Однако, когда после внимательного чтения книги обнаруживаешь большое количество теоретических ошибок, «смайлики» начинают восприниматься как отвлекающие помехи, лишь снижающие доверие к достоверности основного текста. Понимание соционики Калинаускасом сильно отличается от классической основы, представленной в трудах Аушры Аугустинавичюте, и это дает основание говорить, по крайней мере, о другой парадигме, которую автор даже обозначил как **конструктивную соционику**. В основе его интерпретации соционики лежит Метод качественных структур (МКС), где и следует искать источник расхождений с классикой. В своих теоретических построениях Калинаускас существенно опирается на гипотезу П. В. Симонова о физиологической основе человеческих темпераментов. Однако он попытался адаптировать эту вполне корректную гипотезу к физиологическому истолкованию собственного понимания информационного метаболизма, для чего ему пришлось значительно перестроить понятийный аппарат соционики, а саму гипотезу Симонова исказить. Носят ли расхождения между классической соционикой и тем, что Калинаускас назвал конструктивной соционикой, позитивный смысл и вносят ли они в соционику полезное знание, адекватное ее предмету? Увы! Не принимая и, по-

видимому, не понимая модель «А», подменяя ее упрощенной схемой «штурвала», за которым, если отбросить эстетическую риторику, стоит не просто несколько измененная, но искаженная модель «А-Ю» (Аушры Аугустинавичюте — Юнга), Калинаускас неизбежно оказывается на уровне, предшествовавшем модели «А», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Искажение модели «А-Ю» конкретно выражается в том, что изменена вертность «третьей» функции модели «А-Ю», семантика которой связана с понятием МНС — места наименьшего сопротивления. Поменяв вертность этой функции, Калинаускас существенно изменил результат ее возможной интерпретации, и, по понятиям классической соционики, это вносит в соответствующие рассуждения Калинаускаса неустранимую систематическую ошибку.

Книга Калинаускаса, при сохранении основной терминологии соционики, настолько меняет ее понятийный строй, что это может рассматриваться как парадигматическая диверсия против нее. Было бы более или менее понятно, если бы Калинаускас назвал бы свою книгу «Антисоционика», но, сохраняя авторское название новой науки, он настолько искажает ее первичный классический смысл, что, посягая на авторский бренд создательницы соционики, лишь компрометирует ее.

По-видимому, высоко оценивая талант Аушры Аугустинавичюте, Калинаускас либо недопонимает величие того, что сделала Аушра Аугустинавичюте, либо подсознательно принижает ее достижения, склоняясь к тому, что они, по меньшей мере, нуждаются в значительной доработке и что именно такую доработку как раз и выполняет автор книги «Игры, в которые играет Мы», то есть И. Н. Калинаускас.

Вот как Калинаускас говорит о Юнге и Аушре Аугустинавичюте: «Труды именно этого ученого (Юнга) стали методологической базой, оттолкнувшись от которой литовский ученый А. Аугустинавичюте предприняла попытку создания науки о закономерностях человеческого поведения». В этой цитате «предприняла попытку создания науки о...» — это явная недооценка того, что сделала Аушра Аугустинавичюте. Она «не предприняла попытку», а заложила основы принципиально нового направления в психологии. Искажают реальное положение дел и слова «стали методологической базой». У Аушры Аугустинавичюте совершенно другая методологическая база — это моделирование структуры психики и теоретическая реализация понятия информационного метаболизма, чего совершенно не было у Юнга. Кроме того, называя соционику наукой «о закономерностях человеческого поведения», Калинаускас искажает, опрощает и грубо сужает ее предмет. Да, соционика дает возможность делать определенные выводы о человеческом поведении, но у нее другой предмет — изучение обобщенных информационно-метаболических процессов в психике. Уже из этой цитаты видна критическая тональность и недооценка работы Аушры Аугустинавичюте Калинаускасом, а, самое главное, прямое непонимание, а в результате и грубое искажение большинства ее теоретических конструкций.

Прямое искажение содержания соционики можно увидеть в высказывании Калинаускаса о том, что «...квинтэссенцию того, что было названо «соционикой», составляет именно теория интертипных отношений». Допустим, что именно так Калинаускас понимает соционику — это его дело. Это обычно обозначается как «достигнутый уровень» — как уж человек сумел, так и понял. Конечно же, соционика — это значительно больше, значительно сложнее и значительно интереснее. Соционика — это и ТИМ, и ИО, и АРП, и множество тонких и принципиальных методологических проблем, выходящих далеко за пределы не только соционики, но и психологии. Но все это остается за пределами внимания Калинаускаса.

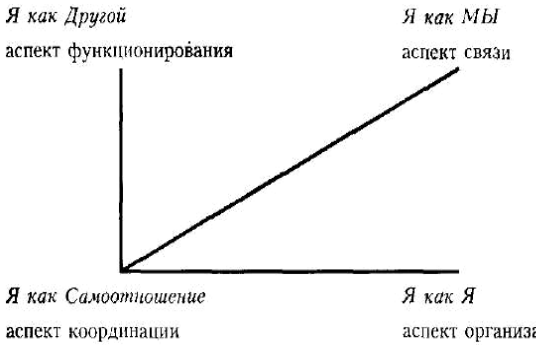

Не углубляясь в критику описаний Калинаускасом соционических типов и отношений, а также других психологических пассажей (иногда блестящих и глубоких), остановимся на базовых парадигматических расхождениях в теоретических позициях Калинаускаса и Аушры Аугустинавичюте. Сюда относится основной методологический инструмент Калинаускаса — МКС (метод качественных структур), попытка Калинаускаса опереться на гипотезу П. В. Симонова для обоснования соционического понимания таких психических функций, как мышление, эмоциональное, сенсорика и интуиция, ограниченное понимание Калинаускасом информационного метаболизма, подмена Калинаускасом понятия структу-

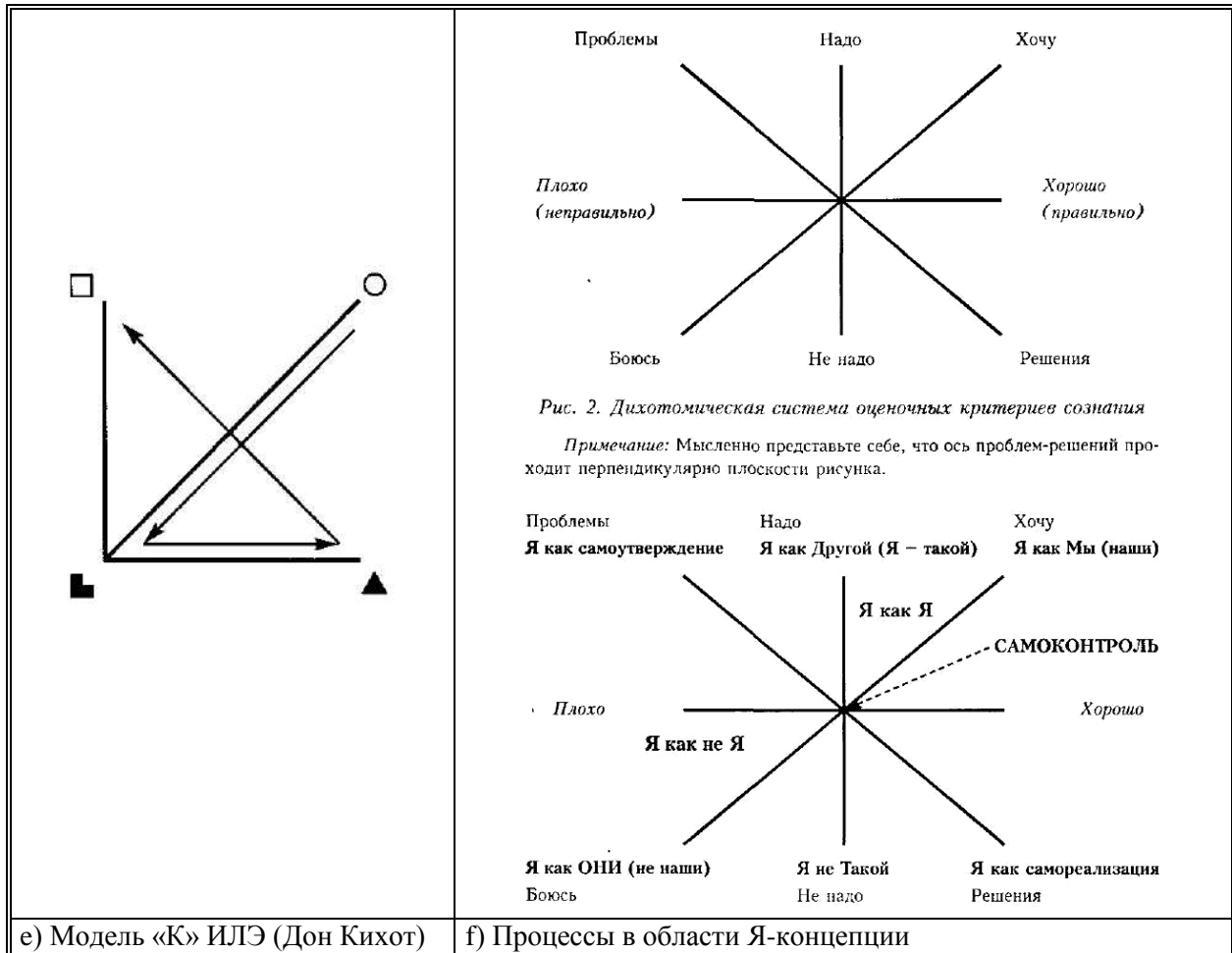
ры психики понятием Я-концепции, а также претензии Калинаускаса на открытие истины соционики и на ее теоретическое обоснование.

Начнем с МКС

Это собственное изобретение Калинаускаса, и, предположительно, он владеет этим инструментом виртуозно. Мы не будем анализировать этот конструкт сам по себе, — возможно, у него имеются собственные достоинства как инструмента анализа сложных явлений. Мы лишь попробуем рассмотреть, насколько адекватно МКС применена автором к развитию, обоснованию или интерпретации идей классической соционики, основы которой заложены Аушрой Аугустинавичюте.

Таблица 1.

	<p>ВОСПРИЯТИЕ МИРА</p> <table border="1"> <tr> <td>Аспект функционирования</td><td>Аспект связи</td></tr> <tr> <td>ПРОИЗВОДСТВО ВОВНЕ</td><td>ПОТРЕБЛЕНИЕ ИЗВНЕ</td></tr> <tr> <td>Функция 2 Функция 3</td><td>Функция 4 Функция 1</td></tr> <tr> <td>Аспект координации</td><td>Аспект организации</td></tr> </table>	Аспект функционирования	Аспект связи	ПРОИЗВОДСТВО ВОВНЕ	ПОТРЕБЛЕНИЕ ИЗВНЕ	Функция 2 Функция 3	Функция 4 Функция 1	Аспект координации	Аспект организации
Аспект функционирования	Аспект связи								
ПРОИЗВОДСТВО ВОВНЕ	ПОТРЕБЛЕНИЕ ИЗВНЕ								
Функция 2 Функция 3	Функция 4 Функция 1								
Аспект координации	Аспект организации								
<p>а) Проекция Я-концепции на схему МКС</p>	<p>б) Соответствие функций и аспектов МКС</p>								
									
<p>в) Привязка психологических категорий к МКС</p>	<p>г) Структура социальных агентов в МКС</p>								

Калинаускас: «Метод качественных структур является фактически эвристическим принципом рассмотрения любого объекта, мыслимого как целое».

Комментарий — Похоже, что Калинаускас, говоря о качественных структурах, противопоставляет их количественным, а это означает, что возможны недоразумения с использованием терминов по умолчанию. Увы, поскольку мы имеем дело с новым конструктом, то необходимы базовые определения используемых понятий. Являются ли «качественные структуры» просто другим названием для привычных философских категорий? Если это так, то тогда все более или менее ясно — будут использоваться философские категории, но называться они будут качественными структурами. Это означает, что все без исключения философские категории являются качественными структурами и выделение четырех таких категорий в качестве особого инструмента не оправдывает использование этого термина по причине понятийной дискриминации других подмножеств категорий. Однако в данном случае нас будет интересовать только вопрос о том, насколько эффективно и адекватно используются выделенные Калинаускасом категории в отношении соционики.

Калинаускас получает собственную модель психики (модель «К»), отождествляя ее с векторным изображением схемы МКС и присваивая ее «аспектам» значения психических функций.

Что же представляют собой выделенные категории МКС?

Калинаускас: «Аспект организации (АО) — это конструкция целого, все то, что определяет его форму и границы».

Комментарий — Таково определение автора МКС. Стало быть, эта категория отвечает на вопросы: как нечто устроено? Какова область его существования? Каков принцип саморазворачивания организационных структур этой сущности? Центральным предметом соционики является структура психики. Значит, АО должен бы ответить на вопрос, как устроена психика, какова ее структура, почему она устроена именно так, а не иначе? Кали-

наускас не отвечает на эти вопросы — он просто накладывает на те или иные психические структуры векторную схему МКС по принципу «насколько это удовлетворяет авторскую интуицию». Никаких особых пояснений автор при этом не дает, а ставит читателя перед свершившимся фактом отождествления множества психологических категорий с категориями МКС. Посмотрите на табл. 01, а). Здесь Калинаускас сопоставляет выделенные им понятия из Я-концепции с векторами МКС. Нам не сообщают, что такое Я, мы не знаем, как оно организовано, но оно ставится в соответствие с АО. Это можно понять так, что поскольку Я существует, что принимается по умолчанию, то оно, наверное, обладает организацией, а потому, по-видимому, это отождествление принимается как правдоподобное и, возможно, даже за определение Я. Конечно, из предположения о существовании Я с такой же убедительностью должно бы следовать, что оно как-то функционирует и как-то связано с миром, и на этом основании его можно было бы отождествить с аспектами функционирования или связи, но автор предпочел собственный расклад, и, конечно, он имеет на это право, а мы имеем право ожидать объяснений, определений и доказательств.

Калинаускас: *«Аспект функционирования (АФ)»* — это продукция, или способ внешней реализации целого».

Комментарий — В той же таблице АФ отождествлен с категорией «Я как Другой». Нужно ли это понимать так, что когда Я функционирует, то оно перестает быть собой и становится Другим, то есть продуцирует не себя, а Другого? Но тогда почему Я с таким же успехом не может продуцировать Мы или производить Самоотношение? Ответы на эти вопросы зависят от интуитивных впечатлений автора.

Калинаускас: *«Аспект связи (АС)»* — это связь данного целого с внешним окружением, характеристика их взаимного влияния».

Комментарий — Отождествление АС с категорией «Я как Мы» также не откуда не следует. Почему с Мы, а не с Другим, не с Миром или Средой? Но, конечно, какой-то интуитивный инсайт за этим может стоять.

Калинаускас: *«Аспект координации (АК)»* — это качественная определенность целого, связывающая воедино все три вышеназванных уровня, изменение в аспекте координации изменяет качественную определенность всего целого».

Комментарий — В теориях других авторов встречается понятие и представление о целостности, но никто не говорил о целостности как о функции аспекта координации. Он, по-видимому, должен бы отвечать на вопросы, как разнородные элементы становятся единым целым, превращаются в систему, начинают функционировать совместно? Однако предлагаемое Калинаускасом отождествление АК с категорией «Я как Самоотношение» ответов на эти вопросы не содержит. То, что Я как-то относится к себе, может рассматриваться как один из моментов его функционирования, но вовсе не влечет за собой эффекта объединения в систему АО, АФ, АС и АК. То, что в процессе отношения к себе Я может поставить перед собой вопросы о собственной организации, функционировании и связи с окружением, вовсе не задает параметры этих аспектов, но лишь может указать на соответствующие проблемы, не говоря уже о том, что оно может оказаться перед лицом и других проблем, например, перед проблемой о своей сущности и существовании, о своих целях и средствах, о пределах собственной свободы и далее по списку философских категорий.

Произвольность рассмотренных отождествлений, их априорность и субъективность превращают МКС в одну из многих метафизических схем, которыми так богата мировая философия и которые столько раз опровергались реальной человеческой практикой и историческим развитием общества.

В табл. 01, б) представлена наиболее общая теоретическая схема из предлагаемых Калинаускасом, почему-то названная им «Аспекты структуры типа ИМ». Дело в том, что категория аспекта автором уже занята для основных понятий МКС, и, похоже, здесь термин «аспект» используется в более общем смысле, где-то ближе к понятию «элемент», хотя из рисунка это не следует, поскольку там четыре категории МКС присутствуют в собственном значении, и поэтому остается непонятным, одинаково ли используется термин «аспект» в самой схеме и в ее названии.

Всмотримся в предлагаемую схему. В центре мы видим структуру из четырех функций, которую автор в тексте поясняет как основу структуры типа ИМ. Однако он тут же делает существенную оговорку, что функциями «эти четыре функциональных квадранта» называются в соционике, а «более адекватное определение» их — это аспекты структуры типа ИМ», но автор сохраняет название «функция», как он говорит, «для облегчения восприятия материала читателем», что вносит путаницу в понимание его текста. Интересная получается ситуация: автор имеет в виду одно, но пишет другое, маскируя интересами читателя глубокие различия между своими понятиями и понятиями соционики. Вот так происходит подмена обобщенной функциональной системы психики, являющейся основным предметом соционики, метафизическим оформлением продвигаемой автором Я-концепции, впрочем, совсем не плохой самой по себе.

В данном случае МКС, выступая в качестве основного методологического инструмента Калинаускаса, приводит к элиминации функционального строя соционики, замене его метафизическими категориями МКС, а также искусственному назначению семантики психических функций, что не только не отражает реальные свойства психики, но и конкретно искажает их. Но поскольку автор с самого начала подменил основной объект соционики — структуру психики — понятием Я-концепции, то речь здесь идет вовсе не о соционике, а о том, что автор очень общо назвал «основами человеческого поведения», но, что, увы, отражает лишь его (поведения) частные аспекты и не соответствует предельно обобщенному пониманию функциональной системы в классической соционике.

Указанных нововведений Калинаускаса достаточно, чтобы констатировать сильное искажение первичного смысла соционики и рассматривать работу Калинаускаса как парадигматическую диверсию против соционики, и это дает право прекратить дальнейший анализ рассуждений Калинаускаса. Тем не менее поучительно посмотреть, что и как именно Калинаускас искажает в соционике.

Итак, что же у Калинаускаса оказывается функциями и какова их семантика?

1-ю функцию Калинаускас связывает с АО. Ее семантику он формулирует как **«потребляю извне для восприятия себя, что означает оценку ситуации с точки зрения внутренней, пассивной установки»**. Комментарий — Вообще-то функции номеров не имеют, и приписывание им номеров зависит от теоретических установок автора, хотя функции однозначно позиционированы в психике. По-видимому, в данном случае первый номер указывает на иерархическое верховенство этой функции. В отличие от теории Калинаускаса, в соционике соответствующая функция не отвечает за потребление. Там она является программно-потенциальной (ППФ) и отвечает за формирование внутренней модели внешней среды, за создание программ адаптационного поведения, за обобщенные потенциальные возможности личности. Работа этой функции обеспечивается предыдущей работой адаптационно-нагрузочной функции (АНФ) и консервативно-критической функции (ККФ). В основе позиционной семантики этой функции лежит экстравертированная интуиция и прямого контакта с внешним миром она не имеет.

В интерпретации же Калинаускаса эта функция непосредственно контактирует с внешним миром и обеспечивает опознание субъектом самого себя по потребляемым продуктам. Сам по себе это интересный образ, имеющий свой собственный смысл: субъект с самого начала, по мысли Калинаускаса, не знает, кто он такой, и, только наталкиваясь на объект, на его сопротивление, начинает формировать собственную качественную определенность. Именно так в соционике и понимается процесс самоидентификации, но только он начинается не с первой функции, как у Калинаускаса. Этот интуитивный процесс должен быть обеспечен предыдущей работой сенсорной системы, которая обеспечивает получение первичных сигналов со стороны среды. Затем необходима работа эмоциональной системы, обеспечивающей приемлемость получаемых сигналов с точки зрения самосохранения. И лишь после этого интуитивная система формирует внутреннюю модель внешней среды и образы самоидентификации.

С функциональной точки зрения АО можно рассматривать как функцию, порождающую организацию психики, но здесь приходится констатировать противоречие, поскольку функциональная система психики уже существует и функционирует. На примере этой функ-

ции можно видеть, как Калинаускас, связывая с этим аспектом 1-ю функцию соционического типа, подменяет соционическую модель, поскольку в ней 1-я функция выполняет задачу формирования программ поведения личности, определяет ее потенциальные возможности, чем и определяется ее позиционная семантика как программно-потенциальной функции.

Калинаускас: «4-я функция (аспект связи) — потребляю извне для восприятия мира, что означает восприятие внешней ситуации с точки зрения бессознательной оценки ее как хорошей или плохой, приятной или неприятной, т. е. с точки зрения внешней, пассивной установки».

Комментарий — Конечно, когда Калинаускас соотносит 4-ю функцию с АС, то сразу возникает вопрос: а что, у 1-й функции не было связи с внешним миром, ведь она тоже потребляла извне? Такие противоречия указывают на путанный характер атрибуции, предлагаемой Калинаускасом. В соционике соответствующая функция представляет собой обобщенную сенсорику, отвечающую за восприятие субъектом среды обитания, и в этом своем качестве она никаких оценок не производит — ее задача предельно адекватно передать информацию о внешней среде.

Калинаускас: «Содержание этой функции характеризует требования человека к такому месту в мире, которое человек субъективно считает для себя хорошим».

Комментарий — По соционическим понятиям, эта функция ничего не требует, а лишь ожидает, именно поэтому она может «служить каналом для суггестии», как говорит далее Калинаускас. Наличие такого рода небольших и больших противоречий делает текст Калинаускаса сомнительным во многих отношениях.

«3-я функция (аспект координации), по Калинаускасу, — что означает оценку ситуации с точки зрения внутренней, активной установки».

Комментарий — Для описания этой функции Калинаускас использует систему симметричных категорий, обеспечивающих унификацию понятий, и тем самым создающих иллюзию правдоподобия рассуждений. Там было «потребляю извне», а здесь — «произвожу вовне». Прежде всего, непонятно, почему АК должен что-то производить вовне. Разве это не находится в компетенции АФ? По смыслу определений АК должен был бы обеспечивать взаимодействие всех функций, но здесь он почему-то подменяет работу другого аспекта. И хотя далее Калинаускас говорит, что «Содержание аспекта координации задает качественную определенность целого», но остается непонятным, причем здесь «**произвожу вовне для восприятия себя**». Если бы он «производил» целостность, это еще было бы понятно. Все же остальные рассуждения Калинаускаса по поводу этой функции ниоткуда не следуют и, либо являются интуитивными инсайтами, либо некритически транслируются из других источников, а, конкретно, из работ и докладов Аушры Аугустинавичюте.

«2-я функция (аспект функционирования), по Калинаускасу, — произвожу вовне для восприятия мира, что означает оценку ситуации с точки зрения внешней, активной установки».

Комментарий — В этом месте семантика Калинаускаса и семантика соционики в значительной степени пересекаются, — ну, должно же хоть что-то остаться от соционики даже после ее многократного переделывания, — но и здесь метафизический характер используемых в МКС категорий вносит свои искажения. Да, это продуктивная функция, но она производит не для восприятия мира (мир уже воспринят), а для получения обратной связи от внешней среды: если среда примет эту продукцию, то адаптация состоялась. Последнее можно понимать так, что если адаптация состоялась, то субъект выстроил свое поведение адекватно требованиям среды, но это, скорее, косвенная оценка себя, а не среды. Здесь продукция не «востребуется извне», а предлагается с целью проверки на адекватность, и это не одно и то же.

Калинаускас: «Наиболее характерные особенности 2-й функции — творческий подход, высокая степень осознанности и широкая дифференциация видов производимой «продукции».

Комментарий — Это утверждение хорошо согласуется с представлениями классической соционики, но у Калинаускаса они не следуют из его модели и выглядят как трансляция из других источников.

Схемы с) и d) из табл. 01 дают дополнительные примеры субъективного отождествления психологических категорий с аспектами МКС, а сами наборы категорий выглядят как случайная подгонка под аспекты МКС. Схема е) из табл. 01 — это пример наложения векторной схемы МКС на соционическую модель, в данном случае, ИЛЭ. Привязка информационных аспектов к аспектам МКС здесь выглядит особенно неубедительно из-за несоответствия реальной семантики функций модели ИЛЭ тому, что следует из модели «К».

В соционической модели каждая из 8-ми функций имеет собственную функциональную семантику, в соответствии с которой она и функционирует. В модели «К» (Калинаускаса), похоже, выделяется, по определению, одна функция, которая определяет, а фактически подменяет, функционирование всей модели. Этот аспект в модели «К» сопоставляется аспектному наполнению 2-й соционической функции, смысл которой в соционике определяется ее ориентировочным контактом со средой с целью предварительной оценки успешности адаптации конкретной психики к среде. Однако, поскольку у психики существует конечный продукт, то эта функция модели «К» могла бы оцениваться вполне реально, но из-за особого понимания Калинаускасом модели психики как структуры Я-концепции и другого понимания аспектного наполнения функций у него возникают серьезные расхождения с моделью «А». Фактически, то есть согласно определениям, модель «К» нужно бы понимать, как совокупность четырех функций: функции организации, функции функционирования, функции связи и функции координации. Каждая из этих функций и должна выполнять в психике свое предназначение, то есть АО отвечает за организацию, АФ — за ее функционирование, АС — за связь психики с внешней средой, а АК — за целостность психики. Но это совсем другая история.

Я-концепция, по Калинаускасу

Соционическое представление о структуре психики как о чем-то объективном, реально существующем, независимым от мнения, эмпирически доказуемом, Калинаускас заменяет понятием Я-концепции, которая у него сводится не к объективно существующей организации психики, а является субъективным представлением личности о себе, достигнутым ею в результате личной истории. Однако в результате эклектического наложения на ТИМ Я-концепции появляется возможность рассматривать Я-концепцию как эмпирически подтверждаемый элемент и построить на этом оригинальную психологическую теорию, что и делает Калинаускас. Понятие Я-концепции можно с успехом использовать в тренинговой работе с человеком, что Калинаускас всегда успешно и делал, но это другой предмет, не совпадающий с предметом соционики. По тексту книги понятно, что для Калинаускаса изучение соционики понимается как овладение Я-концепцией, а соционический тип в этом процессе оказывается эффективным заключительным штрихом, когда человек уже разобрался в том, как организовано и функционирует его Я, и все, что осталось сделать, это дать его личной Я-концепции обобщающее название, взятое из соционики.

Калинаускас: «Я-концепция есть образ, через посредство которого человек вступает в социальные отношения... Я-концепция образование целостное, имеющее вполне выраженную структуру. Структура целого такова, что ни один из ее элементов не существует отдельно от других, несмотря на то, что имеет собственное функциональное значение. Иными словами, существование отдельно взятого структурного элемента вне данного целого невозможно, а целое, соответственно, без любого из структурных элементов перестает быть целым».

Комментарий — Это высказывание Калинаускаса имеет характер методологической установки, и против этого нечего возразить, но из него видно, что автор собирается исследовать не структуру психики, а будет пытаться объективировать Я-концепцию, то есть представить ее не как субъективное образование, а как реально существующую структуру. К сожалению, эта структура у Калинаускаса призвана подменить структуру психики. Эта структура в составе МКС представлена четырьмя общепсихологическими категориями, которые, в силу своей априорной заданности, оказываются метафизическими конструктами, которые, конечно, имеют свой собственный смысл, но этот смысл навязывается реальному объекту, а

именно психике, обладающей собственной структурой и собственными параметрами, и, в общем-то, не нуждается в априорном оформлении. МКС-анализ «структуры целого основан на выделении в нем четырех блоков, каждый из которых представляет собой нечеткое множество». Навязывая реальному объекту априорное структурирование, автор подменяет обобщенные психические функции, являющиеся предметом соционики, совсем другими структурами, психологический статус которых весьма проблематичен, но которые вынуждены выступать в роли функций с искусственной семантикой.

По Калинаускасу, Я-концепция включает в себя четыре блока, названные соответственно: *«уровень организации — Я как Я; уровень связи — Я как Мы; уровень функционирования — Я как Другой; точка координатора — Я как Самоотношение»*.

Комментарий — Приведенные отождествления выглядят как произвольные, субъективно назначенные. Почему *Я как Я* не может быть функционированием, а *Я как Мы* — организацией или *Я как Другой* — связью? Тем более, что, по определению автора, эти категории относятся к нечетким множествам. Если три первые категории имеют вполне общенаучный смысл, то *точка координатора* (ТК) — это собственное изобретение Калинаускаса, а потому нуждается в дополнительной экспликации. В терминах координатной схемы, которая выглядит весьма сомнительно, ТК и в самом деле представлена точкой пересечения координатных осей и должна бы являться началом координат. Но что это за координаты? Разве вдоль предполагаемых осей должны откладываться какие-то измеримые количества, относящиеся к организации, функционированию или связи? Автор говорит, что «векторная форма графика позволяет в случае необходимости отразить относительную «мощность» конкретного аспекта» но, судя по всему, такая необходимость никогда не наступала, а единицы измерения введенных категорий не указаны. Таким образом, мы имеем здесь дело с чисто символической терминологией, которой не соответствует какой-то точечный локус, где осуществляется «координация», а это подчеркивает метафизический характер категорий Калинаускаса.

Исходя из общенаучного понятия координации и контекста Я-концепции, попробуем разобраться, в чем же могла бы проявляться координация между тремя «уровнями». Начнем с самого понятия «уровень». Что это? Три разных безразмерных горизонта, на каждом из которых разворачивается феноменология организации, функционирования или связи, или уровень здесь соотносится со степенью выраженности, активности или значимости для субъекта координации? На эти вопросы в тексте книги нет ответа. Возникающие здесь сомнения заставляют думать, что категории МКС — это не более, чем интуитивные предсмыслы, используемые автором для организации собственных интуитивных потоков. Настораживает также то, что автор свои базовые категории связывает то с понятием аспекта, то с понятием уровня, то с понятием блока.

Калинаускас: «В результате и формируется ОБРАЗ СЕБЯ ДЛЯ ДРУГИХ, который суть ОБРАЗ ДРУГИХ ДЛЯ СЕБЯ, откорректированный в соответствии с ОБРАЗОМ СЕБЯ ДЛЯ СЕБЯ, подаваемый другим как истинное описание себя». — Эта фраза — пример рефлексивной диалектики Калинаускаса, и при быстром чтении или произнесении производит впечатление глубокой мысли. Так оно и есть, если не считать, что такие рассуждения выходят за уровень функционального обобщения классической соционики. Поэтому о нем можно сказать, что это не про соционику — это про другое, возможно, правильное, но в данном случае лишь отвлекающее внимание от соционических понятий.

Калинаускас: «Блок «Я как Мы» Я-концепции представляет огромный интерес для человека, занятого освоением своей системы социального ориентирования. Его изучение дает представление о том, насколько привычный внешний образ-маска реально учитывает собственные возможности, с одной стороны, и соответствует решаемым социальным задачам — с другой. Соответственно, в ОБРАЗ СЕБЯ ДЛЯ ДРУГИХ можно внести осознанные поправки, существенно повысив тем самым эффективность своего социального взаимодействия».

Комментарий — Эта цитата интересна тем, что в ней вводится понятие маски, по поводу чего в соционической литературе имеется несколько своеобразных мнений. Насколько я понимаю, маска по Калинаускасу — это смесь типологического, поскольку оно

входит в любую феноменологию личности, характерного, поскольку оно нарабатывалось в процессе адаптации к обществу, и манипулятивного, как относительно сознательно направленного на решение конкретных задач, ситуативно возникающих перед личностью. Это понятие здесь имеет другой смысл, чем в представлении о соционических акцентуациях (Чуриумов С. И.) или коммуникативной модели (Ермак В. Д.). В любом случае, понятие маски здесь выходит за пределы соционического обобщения, хотя и не лишено собственного смысла в рамках концепции Калинаускаса.

Гипотеза Симонова

В 80-е годы XX века советский нейрофизиолог П. В. Симонов выдвинул основательно аргументированную гипотезу о физиологическом субстрате, обеспечивающем темпераментную поддержку человеческой активности. Суть ее состоит в следующем. С целью связать физиологические органы с психической феноменологией Симонов вводит несколько теоретических различий. Среди них подразделение потребностей на доминирующие и субдоминантные, а также различие между сигналами, поступающими из среды, на сигналы с высокой или относительно низкой вероятностью их подкрепления факторами, непосредственно удовлетворяющими ту или иную потребность. Теперь, как считает Симонов, появилась возможность говорить о потребностно-информационной организации поведения.

Результаты собственных экспериментов Симонова и анализа данных литературы привели его к выводу о том, что потребностно-информационной организации поведения соответствуют функции четырех мозговых образований:

- 1) фронтальных (лобных) отделов новой коры — неокортекса,
- 2) гиппокампа,
- 3) ядер миндалевидного комплекса и
- 4) гипоталамуса.

Отметим, что эти четыре структуры у людей общие с позвоночными, и поэтому их естественно отождествить с механизмами, определяющими психические черты, общие для всех позвоночных или хотя бы для значительной части их. К таким чертам у высших позвоночных, прежде всего, нужно отнести темпераментную компоненту поведения. Термин «потребностно-информационная организация поведения» требует необходимых уточнений, поскольку информационную компоненту он относит к частному случаю информационного обеспечения. По Симонову получается, что информацию несет лишь вероятностная характеристика подкрепления возможности удовлетворения потребности, а особенности самих потребностей информации не несут, а это, очевидно, неверно. Оба фактора — и особенности самих потребностей, и вероятностная характеристика подкрепления возможности их удовлетворения, конечно же, являются информационно валидными. Именно так этот процесс будет выглядеть с точки зрения ИМ. Поэтому правильным термином здесь могло бы быть выражение «потребностно-вероятностная организация поведения», когда обе части процесса являются равноправными относительно понятия информации.

Симонов пишет: «Оказалось, что благодаря передним отделам неокортекса поведение ориентируется на сигналы высоковероятных событий, в то время как реакции на сигналы с малой вероятностью их подкрепления подвергаются торможению». Хотя смысл описываемого таким образом процесса здесь понятен, но, с редакционной точки зрения, использованное для этого выражение нуждается в уточнении. По-видимому, автор имеет в виду, что неокортекс выделяет из среды сигналы с высокой вероятностью и, в силу латерального торможения, отсекает сигналы с малой вероятностью, устраняя колебания и неопределенность, что делает поведение целенаправленным и повышает его результативность. Такая особенность фронтального неокортекса верифицирована в строго контролируемом лабораторном эксперименте, когда наблюдалось нарушение вероятностного прогнозирования у обезьян при двустороннем повреждении лобной коры. Нарушение вероятностного прогнозирования наблюдается в клинике у больных с патологией лобных долей, когда возникает легкая отвлекаемость, соскальзывание на побочные ассоциации или стереотипное повторение одних и тех же действий, утративших свое значение. Естественный отбор предусмотрел и необхо-

димось результативного поведения «в ситуациях со значительной степенью неопределенности при явном дефиците прагматической информации», когда необходимо учитывать и возможность маловероятных событий, то есть когда приходится искать удовлетворение потребности непривычным, нестандартным или заранее неизвестным способом, что относится к классу творческих задач. В норме баланс функций лобной коры и гиппокампа адекватно отражает характеристики вероятностной среды. При сдвиге баланса в сторону доминирования коры вероятность ожидаемого события завышается, а при сдвиге в сторону доминирования гиппокампа — занижается.

Иерархия потребностей устанавливается соотношением функций «мотивационной подсистемы» мозга, включающей миндалину и гипоталамус. При этом гипоталамус определяет доминирующую потребность, а миндалина обеспечивает учет потребностей, которые могут подождать и даже отложены на неопределенное время. Существенно, что мотивационная система анатомически связана с двигательной системой, и это непосредственно обеспечивает потребность целенаправленным двигательным поведением, и при дефектах мотивационной системы двигательная активность расстраивается.

Далее в своей работе Симонов показывает, как индивидуальное соотношение органов вероятностной и мотивационной систем определяет форму темпераментного ответа конкретной личности. Представим эти зависимости в таблице:

	Неокортекс	Гиппокамп
Гипоталамус	Холерик	Сангвиник
Миндалина	Флегматик	Меланхолик

1) При ведущем положении пары «гипоталамус — лобная кора» — это будет субъект с четко выраженным доминированием той или иной потребности, целеустремленно направленный на сигналы объектов, способных ее удовлетворить. При этом он склонен игнорировать и конкурирующие мотивации и сигналы, отвлекающие его от продвижения к намеченной цели. Его интересы постоянны и устойчивы, но он не теряет и при встрече с трудностями, упорен в их преодолении. Субъект действует уверенно, быстро, напористо. Под такую характеристику больше всего подходит холерик. Он ориентирован на доминирующую потребность и использует для ее удовлетворения высоковероятную стратегию. Школьник с таким соотношением мозговых структур на уроках сосредоточенно слушает и работает, не отвлекаясь посторонними событиями.

2) При ведущем положении пары Гиппокамп — Гипоталамус субъект находит нестандартные пути удовлетворения доминантной потребности, но относительно легко отвлекается при ее отсутствии. Под такую характеристику больше всего подходит Сангвиник. Он действует спокойно, уверенно, но несколько парадоксально, четко выделяя доминирующие мотивы с генерализованными реакциями на сигналы маловероятных событий, на сигналы с невыясненным значением. Школьник с таким соотношением мозговых структур настойчив, энергичен, работоспособен, но только на интересных для него уроках (доминирующий мотив). На неинтересных уроках он легко отвлекается, увлекается посторонними вещами. Такой человек легко привыкает к новой обстановке, его нетрудно дисциплинировать.

3) При ведущем положении пары Гиппокамп — Миндалина субъект в основном ориентируется на субдоминантные потребности и вынужден искать нестандартные пути их удовлетворения. Он, по возможности, избегает конкуренции, он почти не проявляет инициативы и практически отказывается от активных действий. Под такую характеристику больше всего подходит Меланхолик. Сочетание «миндалина—гиппокамп»: будет сопровождаться трудностью выделения доминирующего мотива и установкой реагировать на самый широкий круг объективно малозначимых сигналов. Отсюда сочетание нерешительности, бесконечных колебаний с повышенной чувствительностью, с переоценкой значимости внешних событий. Такой человек болезненно чувствителен к мелочам, легко теряется, смущается, не уверен в себе. Доминирующая потребность легко уступает субдоминантой.

4) Если в системе четырех структур преобладает подсистема «миндалина—лобная кора», мы получим субъекта с хорошо сбалансированными потребностями без особого ак-

центрирования одной из них. Подобный субъект игнорирует множество происходящих вокруг него событий. Побудить к деятельности его могут только высокозначимые сигналы. Таковы Флегматики — сильные, уравновешенные, инертные. Они терпеливы, выдержаны, хорошо владеют собой. Школьники такого типа на уроках спокойны, не отвлекаются. Эта инертность имеет и свою оборотную сторону: они трудно переключаются на решение новых задач, долго привыкают к новой обстановке.

Потребностно-мотивационная подсистема (миндалины и гипоталамус) оказывает мощное влияние на вероятностную подсистему (новая кора и гиппокамп). Обнаружены конкретные анатомические связи латеральных отделов лобной коры с гипоталамусом, вентральных — с миндалиной, дорзальных — с гиппокампом, что дает экспериментальные основания совокупность этих органов рассматривать как систему. В результате «оценка вероятности внешних событий оказывается зависимой от силы и качества доминирующей потребности, а эта оценка, в свою очередь, влияет тормозящим или облегчающим образом на силу потребности и ее соотношение с другими конкурирующими мотивациями» [2].

Симонов считает, что «таким образом мотивационно-вероятностная система может рассматриваться как структурно-функциональная подсистема мозга, которая «определяет стратегию и тактику поведения, где решается вопрос о том, на какие сигналы и каким образом следует отвечать». Наверное, в данном случае стратегию можно связать с особенностями потребностей, а тактику — с вероятностями их удовлетворения, тем не менее очевидно, такой взгляд в значительной мере искажает масштабы деятельности субъекта. Структурно-функциональная подсистема мозга определяет не стратегию и тактику личности, которые выходят за рамки физиологии индивида, а отвечают за энергетическое обеспечение решения стратегических и тактических задач. В таких случаях полезно вспоминать известное методологическое положение о недопустимости редуцирования разных уровней функционирования сложных систем друг к другу, но учитывать их качественную определенность. В соответствии с этим положением недопустимо сводить психологические процессы к физиологическим. В какой-то мере соотношение этих процессов можно сравнить с соотношением конструкции телевизора с идущими по нему телепередачами.

Соционика предлагает новые подходы к понятию темперамента, когда проводится различие между четырьмя гиппократовскими темпераментами, общими для всех млекопитающих, и шестнадцатью человеческими темпераментами, которые отличаются от гиппократовских наличием, кроме энергетической, еще и информационной компоненты, поскольку мозг и интеллект человека, очевидно, отличается от мозга и интеллекта животных.

Вот еще одно существенное высказывание Симонова: «Мы рассмотрели четыре варианта функционального преобладания структурных «пар» и обнаружили их соответствие психологическим характеристикам типов Гипократа–Павлова». После этого не остается никаких сомнений относительно направленности гипотезы Симонова и недопустимости переориентировать ее на обслуживание гипотезы Калинаускаса.

Таким образом, мы видим, что гипотеза Симонова связана с обнаружением физиологических субстратов, на которых базируются психические процессы энергетического обеспечения целевого поведения, то есть речь идет о темпераментах Гипократа, которые являются общим эволюционным достижением, по крайней мере млекопитающих. И не видно никаких оснований приписывать этим субстратам ответственность за ту часть специфически человеческого поведения, которая отличает человека от животного. Именно она в начальной форме отражена психологической типологией Юнга и в развитом варианте представлена в соционике.

Крайне любопытной с точки зрения соционики является оценка Симоновым еще одной, не темпераментной, группировки исследуемых им органов, а именно, «лобная кора–гиппокамп» и «гипоталамус–миндалины». Учитывая последствия повреждения этих мозговых образований в опытах на животных, Симонов делает предположение о том, что от их соотношения зависит параметр экстра- и интровертированности. Любопытным психологическим фактом является то, что со времени открытия Юнгом этих двух психологических параметров их общезначимая экспликация так и не была получена. Сам Юнг не дал их строгих определений, и каждый психолог использовал эти понятия по собственному разумению.

Наиболее решительную и принципиальную попытку дать строгую оценку экстраверсии и интроверсии сделал в свое время замечательный английский психолог Айзенк, однако сущность их ускользнула и от него.

Расхожее понимание этих понятий сводится к тому, что реакции и деятельность экстраверта преимущественно зависят от внешних впечатлений, возникающих в данный момент, а у интровертов — от образов, представлений и мыслей, связанных с прошлым и будущим. Кто-то считает, что экстраверт ориентирован на внешний мир, а интроверт — на внутренний, но в основе такого понимания лежит всего лишь перевод слов экстраверсия и интроверсия на русский язык.

Наблюдение, связанное с тем, что активность экстравертов более энергозатратна, а у интровертов — наоборот, является лишь частным признаком и не может быть использовано в качестве определения этих глубоких понятий.

В качестве примеров различного понимания этих понятий можно привести расхождения в позициях Л. Мартона и Я. Урбана, с одной стороны, и Дж. Грея, с другой. Первые характеризуют интроверта как сильного, малочувствительного, неуравновешенного, а экстраверта — как слабого, чувствительного, склонного к торможению индивидуума. По сравнению с Юнгом, это в точности наоборот, но с дополнительным смысловым искажением. Согласно Дж. Грею, чем выше чувствительность субъекта к наказанию и неудаче (ненаграде), тем глубже степень его интроверсии. По утверждению Л. Мартона и Я. Урбана, экстраверты хорошо усваивают социальные нормы и легко устанавливают межличностные контакты, в то время как интроверты плохо устанавливают связи и с трудом входят в чуждый им мир чувств других. Согласно Грею, все обстоит наоборот: интроверты социализируются хорошо, а экстраверты плохо. Считается также, что невроз экстравертов чаще протекает с симптомами истерии и психастении, тогда как невротики-интроверты склонны к тревоге, реактивной депрессии и фобиям. Однако понятно, что доверять таким наблюдениям трудно, поскольку всегда будет оставаться неизвестным, насколько точно были определены в таких случаях экстраверты и интроверты.

Учитывая сказанное выше, можно понять важность и ценность наблюдения, сделанного Симоновым. Преобладание «вероятностной» подсистемы (новая кора и гиппокамп) дает гипотетического субъекта, преимущественно ориентированного на внешнюю среду и поведенчески зависимого от происходящих в этой среде событий, и это можно связать (по определению) с *экстраверсией*. Однако более точная формулировка этой зависимости должна бы указывать на зависимость *экстраверта* от высоковероятных, а *интровертов* — от маловероятных сигналов. Первая установка будет провоцировать общительность, стремление к другим людям, склонностью к переменам, к движению, к освоению среды, а вторая — к более высокой норме одиночества. Однако с соционической точки зрения здесь обнаруживается, скорее, разница между *этиками* и *интуитами*, и, в меньшей степени, между *экстравертами* и *интровертами*. Но не будем торопиться.

Иные черты, по мнению Симонова, обнаружатся у субъекта с преобладанием «мотивационной» системы. Здесь сфера внутренних мотивов и установок окажется достаточно ригидной по отношению к внешним влияниям. В соответствии с этим, интроверты должны бы быть склонны придерживаться ранее усвоенных этических норм, они выдержанны, стремятся к порядку, застенчивы, малообщительны с окружающими.

И все же фундаментальные выводы, которые были сделаны в соционике, заставляют усомниться и в такой экспликации этих понятий, поскольку некоторые интроверты исключительно общительны, стремятся к другим людям, склонны к переменам, движению и освоению среды, а некоторые экстраверты достаточно ригидны по отношению к внешним влияниям, склонны придерживаться ранее усвоенных этических норм, некоторые из них выдержанны, некоторые стремятся к порядку, некоторые застенчивы или малообщительны с окружающими. Так что, похоже, тайна экстраверсии — интроверсии не поддается решению с помощью гипотезы Симонова.

Уже вне связи с теорией темпераментов рассмотрим следующее высказывание Симонова: «Разумеется, все перечисленные выше типы есть абстракция. Реальная жизнь предъявляет нам бесконечное разнообразие промежуточных вариантов взаимодействия че-

тырех мозговых структур». Это замечание Симонова, выдающегося физиолога, представляет особый методологический интерес. В нем можно почувствовать негативное отношение к абстракциям как некоторый пережиток устаревших методологических установок. Особенно, в этом вступительном «разумеется». Разумеется, что с точки зрения современной методологии давно пора пересмотреть отношение к так называемым абстракциям! Как можно считать абстракциями вполне конкретные параметры поведения. Эти параметры не только измеримы, но и обеспечены вполне реальным физиологическим субстратом. С такой точки зрения темпераментный тип должен рассматриваться как совокупность поведенческих параметров с заданными границами их изменения. Конечно, на границах определения параметров могут возникать неопределенности, но это не отрицает достаточной определенности поведения конкретного носителя того или иного темперамента в конкретных границах измерения соответствующих параметров. И не является ли в таком случае то, что автор предпочитает «говорить скорее о свойствах головного мозга, чем о типах в их старом понимании», разновидностью страусиной политики уходить от проблемы в рамках пережитков методологии позитивизма. Такая позиция тем более кажется неполноценной, что автор тут же говорит, что «Вместе с тем мы не склонны совершенно отказываться от типологий Гиппократов и Павлова, выдержавших эмпирическую проверку двух тысячелетий». Налицо методологическая двойственность: типы — это абстракция, но мы можем вполне эффективно пользоваться ею. И когда автор пишет далее, что «Понятия об «активности вообще», равно как и об «эмоциональности вообще», представляются нам очень расплывчатыми и неуточненными», то, конечно же, давно пора устранить эту расплывчатость. В рамках информационной парадигмы нет особых проблем в констатации реального существования типа, как программы, задающей обобщенные параметры поведения индивида, поскольку нет оснований считать, что существование, например, компьютерных программ более реально, чем существование биологических программ.

То, что вызванное болезнью нарушение функций подсистемы «гиппокамп—миндалина» приведет к неврастению, которая, как правило, не затрагивает высших интеллектуальных функций, свидетельствуя о полноценной деятельности неокортикальных структур, также косвенно говорит о том, что гипотеза Симонова относится к энергетической, а не информационной компоненте обеспечения поведения.

Приведенные выше цитаты из книги В. П. Симонова и П. М. Ершова убедительно показывают позицию физиолога относительно роли четырех мозговых структур в темпераментном обеспечении поведения.

Калинаускас обратился к гипотезе Симонова для обоснования собственного понимания психологического типа, информационного метаболизма и содержания работы психических функций. При этом он переориентировал гипотезу Симонова с обоснования феномена темперамента на обоснование своеобразно понятых им указанных выше понятий. Для этого он вводит различие между установкой, обобщенное представление о которой, по мнению Калинаускаса, дает юнговский «психотип», и инициацией поведения, осуществляемой ТИ-Мом. На этом основании он проводит странное различие между психологическим типом Юнга и ТИ-Мом в соционике. Очевидно, что подмена психологического понятия мотивации физиологическим понятием инициации — что-то вроде энергетической провокации — представляет собой попытку введения избыточного понятия, что, по крайней мере, противоречит принципу «бритвы Оккама». Однако значительно важнее, что это противоречит реальному положению вещей.

(окончание следует)

Л и т е р а т у р а :

1. Калинаускас И. Н. Игры, в которые играет Мы. — К., 2005.
2. Симонов В. П., Ершов П. М. Темперамент, характер, личность. — М., 1984.
3. Чурюмов С. И. Улыбка Чеширского Кота или возможное и невозможное в соционике. — Дрогобыч, 2007.

Статья поступила в редакцию 1.11.2008 г.